

Михаил
Кунцера

ШУТКА

Роман

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44
К 91

Milan Kundera
LA PLAISANTERIE
Copyright © 1967, 1980, 1985, Milan Kundera
All rights reserved

All adaptations of the work for film, theatre, television
and radio are strictly prohibited.

Любые адаптации произведения для кино, театра, телевидения
и радио строго запрещены.

Перевод с чешского Нины Шульгиной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использован рисунок автора.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Кундера М.

К 91 Шутка : роман / Милан Кундера ; пер. с чеш.
Н. Шульгиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус,
2022. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19891-3

Милан Кундера принадлежит к числу самых популярных писателей современности. Его книги буквально завораживают читателя изысканностью стиля, умелым построением сюжета, накалом чувств у героев. Каждое новое произведение писателя пополняет ряд бестселлеров интеллектуальной прозы.

«Шутка» — первый роман Милана Кундеры, написанный в 1965 году. Именно с этой вещи началась европейская известность автора, создавшего впоследствии такие романы, как «Невыносимая легкость бытия», «Вальс на прощание» и другие бестселлеры.

Этот роман — история любви и мести, в основе которой лежит легкомысленная шутивная открытка, отправленная молодым парнем своей возлюбленной. Этой открытке суждено было не только разрушить несколько жизней, но и послужить важнейшим связующим звеном между прошлым и будущим.

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44

© Н. М. Шульгина (наследники), перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2022
ISBN 978-5-389-19891-3 Издательство Иностранка*

Часть первая
ЛЮДВИК

1

И вот спустя много лет я вдруг вновь очутился дома. Я стоял на главной площади (несчетное число раз я прошел по ней ребенком, мальчиком, юношей) и не испытывал никакого умиления; напротив, думал о том, что эта ровная площадь, над крышами которой (точно воин в старинном шлеме) возвышается башня ратуши, напоминает большой казарменный плац и что военное прошлое этого южноморавского города, встававшего некогда непреступным валом на пути венгров и турок, отметило его лик чертами непреодолимой мерзости.

После долгой разлуки меня ничто не тянуло на родину; я убеждал себя, что стал к ней совершенно равнодушен, и это казалось естественным: уже пятнадцать лет я не живу в этих краях, осталось здесь лишь двое-трое знакомых или товарищей (да и тех постараюсь обойти стороной), мама похоронена в чужой могиле, мною заброшенной. Но я заблуждался: то, что я называл равнодушием, на самом деле было ненавистью; ее причины ускользали от меня, поскольку на родине происходили со мной вещи и хорошие, и плохие, как во всех других городах, но это была ненависть; я осознал ее как раз в связи с этой поездкой: цели, ради которой я ехал, можно было достигнуть и в Праге, но меня вдруг неудержимо стал привлекать

подвернувшийся случай сделать это в родном городе именно потому, что цель была циничной и низменной, глумливо освобождавшей меня от подозрения, что возвращаюсь я сюда ради сентиментальных вздохов по утраченному времени.

Я еще раз неприязненно оглядел безобразную площадь и, повернувшись к ней спиной, пошел по улочке к гостинице, где для меня был забронирован номер. Швейцар вручил мне ключ с деревянной грушей и сказал: «Третий этаж». Номер был неприглядный: у стены кровать, возле нее вычурный туалетный столик красного дерева с зеркалом, посредине маленький стол с одним стулом, у двери крохотный облупленный умывальник. Положив портфель на стол, я открыл окно: выходило оно во двор и на дома, обратившие к гостинице голые и грязные зады. Я закрыл окно, задернул шторы и подошел к умывальнику с двумя кранами — красным и синим; отвернул их на пробу — из обоих текла холодная вода. Оглядел стол: пожалуй, он еще сошел бы — бутылка с двумя рюмками вполне уместилась бы на нем, но хуже было, что за ним мог сидеть всего один человек — в номере не было второго стула. Я пододвинул стол к кровати и попробовал подсесть к нему, но кровать была чересчур низкой, а столик чересчур высоким, кроме того, кровать подо мной так сильно прогнулась, что мне стало сразу же ясно: она не только не годится для сидения, но и свое прямое назначение выполняет весьма условно. Я уперся в нее кулаками, затем лег на нее, аккуратно подняв ноги кверху, дабы ботинками не испачкать (вполне чистые) одеяло и простыню. Кровать провалилась подо мной, и я лежал в ней, как в гамаке или в узехонькой могиле; трудно было представить, чтобы на этой постели можно было улечься вдвоем.

Часть первая. Людвик

Я сел на стул и, уставившись сквозь прозрачные шторы, задумался. В это время из коридора донеслись шаги и голоса; это были двое, мужчина и женщина, они разговаривали, каждое их слово было отчетливо слышно: говорили они о каком-то Петре, сбежавшем из дому, и о какой-то тете Кларе, что глупа и якобы балует мальчика; затем раздались поворот ключа в замке, скрип открываемой двери, и голоса переместились в соседний номер; слышны были вздохи женщины (да, явно слышны были даже вздохи!) и твердые заверения мужчины поговорить с Кларой должным образом.

Я встал с уже созревшим решением; еще раз вымыл руки, вытер их полотенцем и вышел из гостиной, хотя точно еще не знал, куда, собственно, держу путь. Но одно понимал четко: если я не хочу успех своей поездки (поездки достаточно дальней и изнурительной) подвергать риску из-за обычных неудобств гостиничного номера, я должен, при всем нежелании, обратиться к кому-нибудь из здешних знакомых с доверительной просьбой. Я постарался быстро перебрать в памяти забытых друзей времен молодости, но тотчас всех их отверг, хотя бы уж потому, что доверительность требуемой услуги вынудила бы меня перешагнуть через пропасть тех долгих лет, когда я с ними не виделся, — а к этому я вовсе не был расположен. Но тут неожиданно вспомнилось, что в городе, вероятно, живет один человек, переселенец, для которого я сам в свое время выхлопотал место и который, думается, будет рад представившемуся случаю отплатить мне услугой за услугу. Это был чудак, в ком болезненная щепетильность странно сочеталась с непоседливостью и переменчивостью — как мне известно, жена развелась с ним несколько лет назад просто потому, что он

жил где угодно, только не с ней и их сыном. Сейчас опасался я лишь одного: не женился ли он во второй раз, ибо это усложнило бы исполнение моей просьбы. Итак, я поспешил к больнице.

Здесьняя больница — целый комплекс корпусов и павильонов, разбросанных на обширной территории сада; я вошел в маленькую, невзрачную конуру у ворот и попросил дежурного за столом соединить меня с отделением вирусологии; дежурный пододвинул ко мне — к самому краю стола — телефон и сказал: «Ноль два». Я набрал ноль два и узнал, что доктор Костка ушел минуту назад и сейчас, вероятно, на пути к выходу. Я опустился на скамейку у ворот, дабы не разминуться с ним, и стал глазеть на мужчин, бродивших здесь в светло-голубых полосатых больничных халатах; и вдруг я увидел его: он шел задумчиво, высокий, худой, симпатично неприметный, да, это он. Я поднялся со скамейки и пошел прямо ему навстречу, словно намеревался столкнуться с ним; он поглядел на меня обиженно, но сию же минуту узнал и раскинул руки. Похоже, он был осчастливлен этой неожиданностью, и непосредственность, с какой встретил меня, весьма обнадеживала.

Я объяснил, что приехал около часа назад по одному незначительному дельцу, которое задержит меня здесь дня на два, и он тут же выразил радостное изумление, что моя первая дорожка в городе привела к нему. И вдруг меня покорило, что пришел я к нему не без корысти, не ради него самого и что вопрос, который задаю ему (я бодро спросил, не женился ли он вторично), лишь симулирует искреннее участие, на деле же — расчетливо-практичен. Он ответил (к моему успокоению), что он по-прежнему один. Я обронил, что нам есть о чем поговорить. Он согласился, выразив сожа-

Часть первая. Людвик

ление, что располагает лишь немногим более часа, поскольку должен вернуться в больницу, а под вечер автобусом уехать из города. «Вы живете не здесь?» — ужаснулся я. Он уверил меня, что живет здесь, что в новом районе у него гарсоньерка, но «человеку одинокому часто бывает не по себе». Выяснилось, что у Костки в другом городе, за двадцать километров отсюда, невеста, учительница, причем с двухкомнатной квартирой. «Вы со временем переедете к ней?» — спросил я. Он ответил, что едва ли найдет в другом месте столь интересную работу, какую я помог ему когда-то найти здесь, и, несмотря на трудности, его невеста постарается переехать сюда и устроиться. Я стал проклинать (вполне искренне) неповоротливость нашей бюрократии, которая не в состоянии пойти навстречу мужчине и женщине, желающим соединиться. «Успокойтесь, Людвик, — сказал он мне с милой снисходительностью, — это отнюдь не так уж непереносимо. Пусть я и расходую немного больше денег и времени, зато мое уединение остается нерушимым, а я свободным». — «Зачем вам так нужна свобода?» — спросил я. «А зачем она нужна вам?» — ответил он вопросом. «Я бабник», — сказал я. «Мне свобода нужна не ради женщин, а ради себя, — ответил он и продолжал: — Знаете что, зайдемте-ка ненадолго ко мне до моего отъезда». Ни о чем другом я и не мечтал.

Мы вышли из больницы и вскоре оказались среди новостроек, вразброд торчавших на изрытом пыльном пространстве (ни газона, ни тротуаров, ни шоссе) и являвших печальный пейзаж на окраине города, окаймленного голой равниной дальних полей. Мы вошли в подъезд и стали подниматься по узкой лестнице (лифт не работал); остановились на четвертом этаже перед дверью,

на табличке которой я прочел имя Костки. Из прихожей мы прошли в комнату, и я несказанно обрадовался: в углу стояла широкая и удобная тахта, покрытая красным узорчатым покрывалом; кроме тахты, в комнате были столик, кресло, большой книжный шкаф и радиола.

Похвалив комнату, я спросил Костку, какая у него ванная. «Ничего особенного», — ответил он, польщенный моим интересом, и пригласил меня в прихожую, откуда вела дверь в ванную комнату — маленькую, но вполне приятную, с ванной, душем и умывальником. «При виде вашей чудесной квартиры мне поневоле пришла в голову одна мысль, — сказал я. — Какие у вас планы на завтрашний день и вечер?» — «К сожалению, — извинился он сокрушенно, — завтра я долго дежурю, вернусь только к семи. А вечером вы заняты?» — «Вечером, пожалуй, я буду свободен, — ответил я, — но не могли бы вы мне на день — до вечера — предоставить вашу квартиру?»

Он был ошарашен моим вопросом, но тотчас (словно боялся, что я заподозрю его в нелюбезности) ответил: «С великим удовольствием окажу вам эту услугу». И продолжал, словно умышленно не желая догадываться о мотивах моей просьбы: «Если у вас трудности с квартирой, можете уже сегодня расположиться здесь на ночь, я вернусь только утром, а впрочем, даже не утром, так как пойду прямо в клинику». — «Нет, ни к чему это. Я поселился в гостинице. Но номер ужасно неприятный, а завтра во второй половине дня мне хочется быть в приятной обстановке. Не для того, естественно, чтобы быть в ней одному». — «Да, — сказал Костка и чуть склонил голову, — я догадался. — А немного помедлив, сказал: — Я рад, что могу сделать для вас что-то хорошее. — И доба-

Часть первая. Людвик

вил: — Если вам при этом в самом деле будет хорошо».

Затем, подсев к столику (Костка приготовил кофе), мы немного потолковали (причем я сидел на тахте и с радостью обнаруживал, что она крепкая, не прогибается и совсем не скрипит). Чуть погодя Костка, объявив, что ему пора возвращаться в больницу, посвятил меня в некоторые таинства своего домашнего обихода: кран в ванной надо потуже закручивать, горячая вода, вопреки всем правилам, течет из крана, обозначенного буквой «Х», розетка для шнура от радиолы скрыта под тахтой, в шкафчике стоит едва початая бутылка водки. Дав мне связку с двумя ключами, указал, какой ключ от подъезда, какой от квартиры. За свою жизнь, на протяжении которой я спал на разных постелях, я воспитал в себе особый культ ключей; ключи Костки я также сунул в карман с тихой радостью.

Уже с порога Костка пожелал, чтобы в его гарсоньерке я испытал «поистине нечто прекрасное». «Да, — сказал я, — она позволит мне осуществить одно прекрасное разрушительное действие». — «Полагаете, разрушения бывают прекрасными?» — спросил Костка, а я усмехнулся про себя, узнав в этом вопросе (произнесенном мягко, но воинственном по существу) его самого, именно таким, каким он был, когда впервые — более пятнадцати лет тому — мы познакомились. Я любил его, хотя он и казался мне немного смешным, и потому, настраиваясь на его лад, ответил: «Я знаю, что вы тихий строитель вечного Божьего дома и не любите слушать о разрушениях, но что мне делать: я не есть каменщик Божий. Впрочем, если бы каменщики Божьи возводили здесь дома с настоящими стенами, едва ли наши разрушения

могли бы нанести им ущерб. Но мне представляется, что вместо стен я вижу повсюду одни лишь кулисы. А разрушение кулис — занятие справедливое».

Мы снова были там, где в последний раз (лет девять назад) разошлись; наш спор в эту минуту носил характер весьма отвлеченный, ибо конкретную подоплеку мы хорошо знали и о ней не надо было говорить вновь; повторить стоило разве лишь то, что мы не изменились, что оба по-прежнему не похожи друг на друга (причем, должен сказать, эту непохожесть я любил в Костке и потому охотно беседовал с ним: так я всегда как бы мимоходом постигал, кто я по сути и что я думаю). И дабы у меня не оставалось сомнений относительно себя самого, Костка ответил: «То, что вы сказали, звучит прекрасно. Но позвольте спросить: коль вы такой скептик, откуда у вас эта уверенность, что вам дано отличить кулису от стены? Всегда ли вы были убеждены в том, что иллюзии, над которыми вы смеетесь, и вправду только иллюзии? А что, ежели вы ошибаетесь? Что, ежели это ценности и вы разрушитель ценностей? — И затем добавил: — Преуменьшенная ценность и развенчанная иллюзия, полагаю, имеют равно убогую плоть, они подобны друг другу, и перепутать их проще простого».

Я провожал Костку через город опять к больнице, поигрывая в кармане ключами, и мне было славно в присутствии давнего знакомого, который мог убеждать меня в своей правде когда угодно и где угодно, да хоть и сейчас — дорогой по бугристому простору нового поселка. Впрочем, Костка, зная, что перед нами целый завтрашний вечер, минутой позже от философствования перешел к делам обыденным; он вновь уверился, что завтра

Часть первая. Людвик

я подожду его в квартире до семи вечера (других ключей у него не было), и спросил, действительно ли мне ничего больше не нужно. Я провел ладонью по лицу и сказал, что мне, пожалуй, не мешало бы зайти к парикмахеру, ибо я оброс до неприличия. «Превосходно, — сказал Костка, — я устрою вам бритье по первому классу».

Я не отказался от покровительства Костки и дал ему возможность отвести меня в маленькую цирюльню, где перед тремя зеркалами возвышались три огромных вращающихся кресла, и на двух из них, запрокинув головы, сидели мужчины с намыленными лицами. Две женщины в белых халатах склонялись над своими клиентами. Костка подошел к одной и что-то шепнул; женщина вытерла салфеткой бритву и, обернувшись назад, крикнула вглубь заведения: оттуда вышла девушка в белом халате и занялась покинутым в кресле мужчиной, тогда как женщина, с которой разговаривал Костка, поклонилась мне и жестом руки попросила сесть в пустое кресло. Распрощавшись с Косткой, я сел, откинул голову на подставленный подголовник, а поскольку, прожив достаточно долгую жизнь, не люблю глядеть на собственную физиономию, отвел глаза от расположенного напротив зеркала, поднял их кверху и стал блуждать ими по белому в разводах потолку.

Не оторвал я от него взора и тогда, когда почувствовал на шее пальцы парикмахерши, засовывавшие мне за воротник рубашки белую простыню. Потом парикмахерша отошла чуть, и я, прислушиваясь лишь к шорканью бритвы о кожаный точильный ремень, застыл в какой-то сладостной неподвижности, исполненной блаженного безучастия. Минутой позже я ощутил на лице пальцы,

влажные и скользкие, легко растаившие по моей коже мыльный крем, и вдруг осознал нечто странное и смешное: какая-то чужая женщина, которая мне столь же безразлична, как и я ей, нежно гладит меня. Затем парикмахерша стала взбивать мыльную пену кисточкой, и мне показалось, будто я вовсе не сижу в кресле, а витаю в белом, покрытом пятнами пространстве, упираясь в него взглядом. И тут я представил себя (ибо мысли и в минуты отдохновения не устают вести свои игры) беззащитной жертвой, отданной на произвол женщине, точившей бритву. А поскольку мое тело истаивало в пространстве и я ощущал лишь лицо, которого касались пальцы, я легко вообразил, что нежные руки парикмахерши держат (поворачивают, гладят) мою голову так, словно ничуть не связывают ее с телом, а воспринимают саму по себе — стало быть, острая бритва, ожидающая на подсобном столике, сможет разве что завершить эту полнейшую обособленность.

Затем прикосновения прекратились, я услышал, как парикмахерша отходит, как сейчас уже и вправду берет в руки бритву, и я подумал (ведь мысли продолжали свои игры), что не худо бы посмотреть, как выглядит держащая (возносящая) мою голову нежная моя убийца. Я оторвал взгляд от потолка и перевел его на зеркало. И ужаснулся: игра, которой я забавлялся, внезапно обрела невообразимо реальные черты; мне показалось, что женщину, склонившуюся надо мной в зеркале, я знаю.

Одной рукой она придерживала мочку моего уха, другой тщательно соскребала мыльную пену с моего лица; я смотрел на нее, и вдруг подлинность, минутой раньше с ужасом установленная,

Часть первая. Людвик

стала понемногу рассеиваться и теряться. Она наклонилась над умывальником, двумя пальцами сбросила с бритвы клочок пены, выпрямилась и мягко повернула кресло; на миг наши взгляды встретились, и снова мне показалось, что это она! Разумеется, это лицо было несколько другим, будто принадлежало ее старшей сестре, было посеребрившим, увядшим, слегка опавшим; но ведь прошло пятнадцать лет с тех пор, как я в последний раз видел ее! Эти годы наложили на ее истинное лицо обманчивую маску, но, по счастью, эта маска с двумя отверстиями, сквозь которые на меня снова глядят ее настоящие, поистине ее глаза, такие, какими я знал их.

А затем наступило дальнейшее запутывание следов: в цирюльню вошел новый клиент и сел за моей спиной на стул в ожидании своей очереди; вскоре, окликнув мою парикмахершу, стал нести что-то о чудесном лете, о бассейне, строившемся за городом; парикмахерша отвечала (я следил за ее голосом больше, чем за словами, ничего, кстати, не значащими), и убеждался, что не узнаю этого голоса: он звучал резко, небрежно, развязно, почти грубо, это был совершенно чужой голос.

Она мыла мое лицо, прижимала к нему ладони, и я (вопреки голосу) снова начинал верить, что это она, что после пятнадцати лет снова чувствую на своем лице ее руки, что она снова гладит меня, гладит долго и нежно (я даже забывал, что это не ласки, а умывание); ее чужой голос все время что-то отвечал разболтавшемуся парню, но мне не хотелось верить голосу, хотелось скорее верить рукам, хотелось узнать ее по рукам; по степени нежности ее прикосновений я пытался угадать, она ли это и узнала ли она меня.

Милан Кундера. Шутка

Она взяла полотенце, осушила мое лицо. Говорливый парень шумно смеялся остроте, которую сам же изрек, но я заметил, что моя парикмахерша не смеется — по-видимому, не очень-то и вслушивается в его болтовню. Это взволновало меня — в этом я усматривал доказательство, что она узнала меня и в душе растревожена. Я решил заговорить с ней, как только встану с кресла. Она вынула салфетку у меня из-за ворота. Я поднялся. Стал вытаскивать из нагрудного кармана пять крон. Ждал, когда снова встретятся наши взгляды, чтобы назвать ее по имени (парень без усталости молот языком), но, безразлично отвернув в сторону голову, она быстро и по-деловому взяла пять крон — я вдруг показался себе безумцем, поверившим обманчивым призракам, и у меня не нашлось мужества заговорить с ней.

Странно взбудораженный, я покинул парикмахерскую; я знал лишь, что ничего не знаю и что это величайшая черствость души — потерять уверенность в подлинности лица, когда-то столь любимого.

Конечно, установить истину не составляло труда. Я поспешил в гостиницу (дорогой заметил на противоположном тротуаре старинного друга молодости, первую скрипку нашей капеллы с цимбалами, Ярослава, но, словно спасаясь от навязчивой и шумной музыки, быстро отвел взгляд) и из гостиницы позвонил Костке; он был еще в больнице.

— Скажите, пожалуйста, парикмахершу, которой вы поручили меня, зовут Люция Шебеткова?

— Теперь у нее другая фамилия, но это она. Откуда вы ее знаете? — спросил Костка.

— С бесконечно давних времен, — ответил я и, так и не поужинав, вышел из гостиницы (уже смеркалось): хотелось еще побродить.

1

Лягу сегодня рано, хоть и не знаю, усну ли, но лягу пораньше. Павел после обеда уехал в Братиславу, я завтра утренним самолетом лечу в Брно, а потом еще автобусом, Зденочка остается на два дня дома одна, но это ее не огорчает, к общению с нами она не очень-то и стремится. Павла боготворит, Павел — первый мужчина, которым она восхищается, да и он нашел к ней ключик, как находил его ко всем женщинам, как нашел и ко мне и по-прежнему еще находит, на этой неделе он снова стал относиться ко мне, как в давние годы, гладил по лицу и обещал, что ради меня остановится в Южной Моравии на обратном пути из Братиславы, сказал, что нам надо еще раз потолковать, может, и сам понял, что дальше так жить невозможно, может, хочет вернуться к тому, что было между нами прежде, но почему он понял это только сейчас, когда я узнала Людвика? Мне становится страшно, но я не смею печалиться, не смею, пусть мое имя ни в ком не отзывается печалью, эта фраза Фучика — моя заповедь, и мне абсолютно все равно, что эта заповедь теперь не в моде, может, я дура, но и те, что говорят мне об этом, не умнее, у них тоже свои заповеди и словечки, абсурдность, отчуждение, непонятно, почему я должна

собственную глупость подменить чужой, нет, я не хочу свою жизнь разломить на две половины. Я хочу, чтобы моя жизнь была цельной от начала до конца, вот почему мне так пришлось по душе Людвик: когда я с ним, мне не нужно менять свои убеждения и вкусы, он обыкновенный, простой, веселый, ясный — то, что я люблю, что я всегда любила.

Я не стыжусь, что я такая, другой, чем я была и есть, быть не могу, до восемнадцати я только и знала что монастырские запреты, туберкулез, два года санатория, затем два года навестывала упущенное в школе, даже танцы были для меня недоступны, одно лишь упорядоченное бытие упорядоченных пльзенчан и учеба, учеба, настоящая жизнь — книга за семью печатями, когда в сорок девятом я приехала в Прагу, мне вдруг открылось чудо, такое счастье, о каком никогда не забуду, и потому никогда не смогу исторгнуть из своей души Павла, хоть его уже не люблю, хоть он оскорбил меня, нет, это свыше моих сил, Павел — моя молодость, Прага, факультет, общежитие и, главное, ансамбль песни и танца имени Фучика, сейчас уже никто не знает, что это значило для нас, там я познакомилась с Павлом, он тенор, у меня был альт, мы выступали на сотнях концертов и подмостков, пели советские песни, наши песни о строительстве новой жизни и, конечно же, народные песни, их мы пели с особым увлечением, моравские песни так полюбились мне тогда, что я, пльзенчанка, чувствовала себя мораванкой, они стали лейтмотивом моей жизни, они сливаются во мне с той порой, с моей молодостью, с Павлом, отзываются во мне всякий раз, когда должно выйти солнце, — отзываются во мне и в эти дни.

Часть вторая. Гелена

А как я сблизилась с Павлом — об этом сейчас и рассказать никому не могла бы, наша история проста до банальности, отмечалась годовщина Освобождения, и на Староместской площади была большая манифестация, наш ансамбль тоже был там, мы всюду ходили вместе, маленькая горстка людей среди десятков тысяч, а на трибуне стояли наши и зарубежные политические деятели, было много выступлений и много аплодисментов, а потом к микрофону подошел Тольятти и по-итальянски приветствовал нас, и площадь ответила ему, как всегда, восторженными возгласами, аплодисментами, скандированием. Случайно в этой ужасной давке рядом со мной оказался Павел, я слышала, как в этот гул он тоже что-то выкрикивает, что-то другое, что-то свое, я поглядела на его губы и поняла, что он поет, нет, он скорее кричал, чем пел, он хотел, чтобы его услышали и присоединились к нему, пел он итальянскую революционную песню, она была в нашем репертуаре и в те годы пользовалась особой популярностью, «аванти пополо, а ла рискосса, бандьера росса, бандьера росса...»

В этом был он весь, ему всегда недостаточно было воздействовать только на разум человека, он хотел покорять и души, мне это казалось прекрасным — на пражской площади приветствовать итальянского рабочего вождя революционной итальянской песней, я мечтала увидеть Тольятти таким же растроганным, какой была я, и потому изо всей мочи стала подпевать Павлу, к нам присоединились другие, еще и еще, и вот уже пел весь наш хор, но гул на площади был таким мощным, а нас была горстка, человек пятьдесят, а на площади по меньшей мере тысяч пятьдесят, они

совершенно заглушали нас, это была отчаянная схватка, пока мы пели первый куплет, нам думалось, мы не выдержим, сдадимся, но вдруг произошло чудо, в наше пение стали вливаться все новые и новые голоса, люди услышали нас, и песня исподволь начала высвобождаться из дикого гула площади, словно бабочка из огромного гудящего кокона. Наконец эта бабочка, наша песня, по крайней мере несколько последних ее тактов, долетела до самой трибуны, а мы с жадным любопытством смотрели в лицо седоватого итальянца и были счастливы, когда нам показалось, что движением руки он отвечает на песню, и я была даже уверена, хотя из той дали ничего не могла разглядеть, что в его глазах стоят слезы.

И в этом восторге и умилении, не пойму даже как, я вдруг схватила Павла за руку, и он ответил мне на пожатие, а когда потом площадь утихла и к микрофону подошел кто-то другой, меня залил страх, что он отпустит мою руку, но он не отпустил, мы держались за руки до самого конца манифестации — не разжали их и потом, когда толпа разошлась и мы много часов подряд бродили по цветущей Праге.

Семью годами позже, когда Зденочке было уже пять, я никогда не забуду этого, он сказал мне, мы поженились не по любви, а подчиняясь партийной дисциплине, я знаю, что сказано это было в сердцах, что это ложь, что Павел женился на мне по любви и просто потом изменился, но все равно ужасно, что он мог сказать мне это, ведь именно он всегда уверял меня, что теперешняя любовь другая, она не бегство от людей, а поддержка в бою, мы так и жили ею, в полдень нам не хватало

Литературно-художественное издание

МИЛАН КУНДЕРА

ШУТКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать 24.05.2022. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-SMN-28662-01-R